

ЮБИЛЯРЫ-2019 ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ: 200 ЛЕТ

УДК 82.111

DOI <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-8-402-416>

Эльвира ОСИПОВА

«Я КРЕЩАЮ ТЕБЯ НЕ ВО ИМЯ ОТЦА...»: К ВОПРОСУ О ФАНТАСТИЧЕСКОМ / СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ / ДЕМОНИЧЕСКОМ В РОМАНЕ Г. МЕЛВИЛЛА «МОБИ ДИК»

Аннотация. Статья посвящена анализу романа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит», предпринятому с целью определить значение в нем элемента фантастического. О важности фантастического говорит признание писателя о том, что в книге есть «тайный девиз», который связан с присутствием в нем сверхъестественного, а точнее, демонического начала. Выразителем последнего является «парс» Федалла, наделенный автором сатанинскими чертами. В течение всего действия он является фактическим лоцманом капитана; Ахав неразрывно связан с этим таинственным персонажем и действует по его наущению. В отечественной науке фигура Федаллы не привлекала внимания ученых. Но анализ его роли в художественной системе произведения позволяет переоценить образ главного героя. Ахав, как показывает исследование, – не романтический индивидуалист, стремившийся к непреходящим, высшим ценностям, а безумный, одержимый дьяволом капитан, фанатично ведущий свой корабль к гибели. Такой взгляд позволяет опровергнуть утверждение о том, что в образе Ахава нашел воплощение эмерсоновский принцип «доверия к себе». Как следует из анализа текста, Ахав прислушивается не к голосу Бога в душе (в чем суть идеи self-reliance), но к голосу дьявола – в лице Федаллы. Тема мести как иррациональной, ослепляющей страсти, внушенной герою самим сатаной, выделена Мелвиллом как основная тема книги. Недооценка роли фантастического привела к сужению трактовки социальной направленности романа, которую ряд критиков определяют как протест против «буржуазной Америки». В статье переосмысливается и образ-символ Моби Дика, которого многие исследователи – вслед за героем романа – трактуют как воплощение «мирового зла». Белый Кит в романе Мелвилла представлен как символ некой природной силы, которая осуществляет возмездие за человеческую жестокость, садизм, мстительность, фанатизм.

Ключевые слова: Г. Мелвилл, «Моби Дик, или Белый Кит», фантастическое, капитан Ахав, Федалла, Моби Дик, «доверие к себе», фанатизм, мономания.

© 2020 Эльвира Филипповна Осипова (доктор филол. наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет) elvira.osipova@mail.ru

MEMORABLE DATE

BICENTENNIAL-2019 HERMAN MELVILLE

UDC 82.111

DOI <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-8-402-416>

Elvira OSIPOVA

“EGO NON BAPTIZO TE IN NOMINE PATRIS...”: ON THE FANTASTIC / SUPERNATURAL / DEMONIC IN MELVILLE’S NOVEL *MOBY DICK*

Abstract: The paper addresses the theme of the fantastic in Melville’s *Moby Dick, or The White Whale*. Its importance is underscored in the writer’s letter to Hawthorne, where he mentioned the secret motto of the book, namely, the presence of the demoniac. It is embodied in the figure of Fedallah endowed with pointedly satanic features. An examination of the plot proves that throughout the ship’s journey Ahab was closely connected with Fedallah and acted on his bidding. This mysterious figure has not attracted much attention of the Russian scholars. The analysis of Fedallah’s role in the novel, however, helps to reassess both the protagonist and the message of the book. The paper shows that the definition of Ahab as a romantic individualist pursuing higher values, is inapplicable to the character. At the helm of the “Pequod” was a mad captain possessed by the devil. The assumption that Ahab embodies the principle of Emerson’s “self-reliance” does not hold water, since the captain doesn’t rely on the voice of God in himself, but on the voice of the devil. Emphasized in the book is the theme of revenge as an irrational, blind passion infused into Ahab by the Satan. The analysis of the fantastic element in the novel helps to avoid a certain bias in determining the message of the book, which some Russian scholars define as a protest against the “bourgeois America”. The paper contains a reevaluation of the symbolic figure of Moby Dick traditionally treated as an embodiment of the world’s evil. The White Whale in Melville’s novel represents some natural force which carries out punishment for human cruelty, blind revengefulness, and fanaticism.

Keywords: H. Melville, *Moby Dick, or The White Whale*, the fantastic, captain Ahab, Fedallah, Moby Dick, self-reliance, fanaticism, monomania.

© 2020 Elvira Ph. Osipova (Doctor Hab. in Philology, Professor emerita, Saint Petersburg State University) elvira.osipova@mail.ru

Палитра фантастического в творчестве Мелвилла не слишком богата для писателя-романтика. Но в ней выделяется один, очень яркий элемент, к которому Мелвилл прибегнул для изображения сверхъестественной силы¹. На страницах его произведений появляется сатана – например, в романах «Искуситель и его превращения» (*The Confidence-Man: His Masquerade*, 1857) и (в менее явном виде) «Моби Дик, или Белый Кит» (*Moby Dick, or The White Whale*, 1851). Роль этого сверхъестественного персонажа каждый раз различна. В первом из названных произведений сатана выступает скорее как сила, «что вечно хочет зла и вечно совершает благо», – обнажая перед людьми их порочность и неспособность противостоять низменным желаниям, легковерие, алчность. В «Моби Дике» сатана принимает обличье парса Федаллы, обладавшего магической властью над капитаном Ахавом. Здесь он – несомненное воплощение зла.

В знаменитом письме Готорну 29 июня 1851 г. по поводу романа «Моби Дик» Мелвилл признавался, что написал «нечестивую книгу» (“wicked book”). Адресату письма он разъясняет смысл этой загадочной фразы следующим образом: “This is the book’s motto (the secrete one), – Ego non baptismo te in nomine – but make out the rest yourself”². Из признания Мелвилла следует, что в книге есть тайный девиз («Я крещая тебя не во имя – впрочем, сам догадайся, что дальше»), в котором высвечивается главная тема произведения. Готорн, прочитавший роман вскоре после публикации, мог найти продолжение незавершенной в письме мысли Мелвилла в главе «Кузнечный горн». В ней Ахав с помощью кузнеца Перта выковывает особой прочности гарпун для поимки и убийства Моби Дика. Капитан завершает эту зловещую процедуру, закаливая гарпун кровью трех гарпунеров, Дэггу, Тэштиго и Квикега. При этом он произносит многозначительную – и богохульную – фразу, прибегая для большей торжественности к латыни: “Ego non baptizo te in nomine patris, sed in nomine diaboli!”³.

¹ По определению И.В. Головачевой, фантастическое есть «форма репрезентации странного, чуждого, экстремального ... ненормального, разрушительного, неустойчивого» (*Головачева И.В. Фантастика и фантастическое*. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. С. 16).

² *The Letters of Melville*, ed. R.I. Merrell, H.G. William. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 1960: 133.

³ *Мелвилл, Герман*. Моби Дик, или Белый Кит. М.: Государственное издательство географической литературы, 1962. С. 693. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках с пометой «МБ».

Обращение к помощи дьявола, а не Бога, глубоко символично. Участь «Пекода» отныне была решена: в конце этой главы появляется фраза “the black tragedy of the melancholy ship”⁴.

Тема мести как иррациональной, ослепляющей страсти, внушенной герою самим сатаной, выделена Мелвиллом как основная тема книги, скрытая до поры до времени от невнимательного читателя. Впрочем, американские критики давно заметили «дьявольский» аспект романа. Об этом писали Карл Ван Дорен, Френсис Маттиссен, Генри Поммер, Генри Мюррей. Последний отмечал «одержимость Ахава», который, по его словам, «продал душу дьяволу»: «Отцы церкви назвали бы Ахава “Антихристом”, поскольку, не будучи сатаной, он предстает человеком, наделенным сатанинскими чертами»⁵. Генри Поммер видит в «Люцифере из Нантакета», как он называет Ахава, «одну из ипостасей сатаны»⁶. По словам американского критика Уолтера Герберта, изображение Мелвиллом демонического героя было попыткой «разрушить теократическую картину мира и создать новую духовность, независимую от церковных канонов»⁷. Отсылки к образу сатаны У. Герберт находит и в других романах Мелвилла – «Редберне» и «Белом Бушлате»⁸.

В отечественной науке эта тема практически не затрагивается. В трудах наших американистов Ахав традиционно предстал как романтический индивидуалист, «стремившийся к непреходящим, высшим ценностям», вступивший в битву с «грозными губительными силами мироздания, воплощенными в символическом образе Моби Дика»⁹. Осложняет трактовку образа и то обстоятельство, что в Ахаве традиционно видят воплощение принципа «доверия к себе»¹⁰. С этим трудно согласиться, поскольку философия капитана прямо противоположна эмерсоновскому принципу “self-reliance”: Ахав прислушивается

⁴ Melville, H. *Moby Dick, or The White Whale*. London: Dent, 1965: 147. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках с пометой «MD».

⁵ Здесь и выше: Murray, H. “In Nomine Diaboli.” *Melville. A Collection of Critical Essays*, ed. Richard Chase. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1962: 66, 67.

⁶ Pommer, H. *Milton and Melville*. New York: Cooper Square Publisher, 1970: 90, 91.

⁷ Herbert, T. Walter Jr. *Moby-Dick & Calvinism. A World Dismantled*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1977: 67.

⁸ Ibid.: 84. Эту черту поэтики Мелвилла Уолтер Герберт называет “provocative suggestiveness”.

⁹ Зверев А.М. Герман Мелвилл // История литературы США. Т. III. М.: Наследие, 2000. С. 149, 150.

¹⁰ Прозоров В. Мечта и трагедия: по страницам американской классики. Петрозаводск: КГПИ, 1993. С. 80.

ся не к голосу Бога в душе, но, напротив, к голосу дьявола – в лице Федаллы.

Оценка, предложенная в прошлом столетии, похоже, до сих пор не ставится под сомнение российскими учеными. Мало что меняется и в новейших исследованиях. Капитан Ахав по-прежнему описывается как «романтический индивидуалист и бунтарь» и последователь Эмерсона: «В образе Ахава находит свое отражение принцип “доверия к себе” Эмерсона [...] безумие капитана – нравственная идея Эмерсона, проявившаяся как крайний эгоцентризм»¹¹. В одном из последних исследований речь идет о «героической цели» Ахава, образ которого можно воспринимать «так и этак», которому «невозможно сочувствовать», но «невозможно и не сочувствовать»¹². Пожалуй, ближе всего к интересующей нас проблеме подошел Ю.В. Ковалев, который назвал Ахава «безумствующим титаном», готовым «заключить союз с самим дьяволом». В то же время ученый не был готов отказаться от принятой у нас в 1960-е годы трактовки Ахава как человека, «обладавшего высоким благородством помыслов»¹³.

На наш взгляд, переходящие из статьи в статью формулировки о «высоких помыслах» Ахава, о его «великой идее»¹⁴ не приближают нас к пониманию глубинной проблематики романа. Это касается и трактовки образа-символа Белого Кита, который критики часто – вслед за Ахавом – воспринимают как символ «мирового зла». Белый Кит, пишет, в частности, Ю.В. Ковалев, представляет собой «многосложный символ, воплощение ужаса, саму трагическую судьбу человечества»¹⁵. Еще более определенно высказался В.Г. Прозоров: Белый Кит, полагает он, «включает в себя и обозначение Зла как вечной философской категории... и персонификацию враждебных человеку сил природы, и отражение социального зла современного писателю общества...»¹⁶.

¹¹ Газеева Е.А., Яковлева Т.И. Два типа романтического сознания в романе Германа Мелвилла «Моби Дик». Влияние идей Эмерсона на развитие ключевых образов романа // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 92.

¹² Венедиктова Т.Д. Опыт рефлексии. «Моби Дик, или Белый Кит» // Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 211–212.

¹³ Ковалев Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм. Л.: Художественная литература, 1972. С. 203–204.

¹⁴ Зверев А.М. Герман Мелвилл. С. 153.

¹⁵ Ковалев Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм. С. 191.

¹⁶ Прозоров В. Мечта и трагедия. С. 81.

Но если учитывать роль фантастического в романе и анализировать сверхъестественную связь Ахава с Федаллой – персонажем, наделенным признаками сатаны, то станет очевидно, что акценты нужно расставлять принципиально иначе.

Чтобы точнее оценить замысел писателя, проанализируем особенности фантастического в «Моби Дике». Значимые детали и знаки, повторяемые автором из главы в главу, сплетаются в разветвленную сеть сигналов, позволяющих проникнуть в глубинный смысл романа. Начнем с фигуры Федаллы. Отечественные исследователи, как это ни странно, не придают значения этому персонажу, наделенному автором сверхъестественными свойствами. Однако Мелвилл умышленно вводит в повествование странную фигуру парса, образ которого связан с древними дуалистическими религиозными учениями – зороастризмом и манихейством. Таинственный обитатель трюма время от времени появляется на палубе, как правило, в особенно важные моменты развития сюжета, что подчеркивает его важную роль в художественном мире романа. По мере развития действия становится очевидно, что капитан Ахав неразрывно связан с Федаллой – и действует по его наущению.

Перед самым отплытием «Пекода» из Нантакета, под покровом ночи Федалла вместе с командой гребцов проникает на борт корабля. Измаил не раз вспоминал о таинственных тенях, которые в туманный рассветный час «проскользнули» у него на глазах на палубу корабля. Вспоминал он и о «мистических намеках» загадочного Илии [МБ 335]: посвященная ему глава не случайно называется «Пророк»¹⁷. Еще до отплытия корабля Илия поведал Измаилу и Квикегу о тяготеющем над ним пророчестве – «в последнем рейсе он [Ахав. – Э.О.] потерял левую ногу во исполнение пророчества» [МБ 162], о том, что случилось у мыса Горн, когда капитан «три дня и три ночи пролежал, как мертвый» [МБ 163]. Слова Илии не случайно вызывают у Измаила безотчетное чувство тревоги. Ему кажется, что от команды «Пекода» скрывают какую-то страшную тайну. В конце концов он успокаивает себя тем, что незнакомец «несет вздор, стараясь нас запугать» – “he was nothing but a humbug, trying to be a bugbear” [MD 85]¹⁸, и отгоняет от себя тревожные мысли.

¹⁷ Имя «Илия» взято автором, конечно, не случайно: явная аллюзия к библейскому пророку Илии, обличавшему израильского царя Ахава, нечестивого идолопоклонника (3 Цар).

¹⁸ В русском переводе неточно: «Он всего лишь мелкий мошенник, хоть и корчя из себя великое пугало» [МБ 164].

Появившийся в начале романа таинственный пассажир пока скрывается, но его присутствие ощущает вся команда. Автор дает читателю множество знаков, один из них – в короткой сценке разговора между матросами Кабако и Арчи (они появляются только в главе «Тс-с!» и больше в тексте не упоминаются). «Поверь мне, Кабако, – говорит Арчи, – там в трюме есть кто-то, кого на палубе еще не видели» [МБ 304]. В главе «Морская карта» рассказчик говорит о «безумном замысле» Ахава (найти и убить Белого Кита), о его «безумной всепоглощающей цели» [МБ 305]. Ключевое место в романе занимает глава «На шканцах», «сцена в аду», по выражению Генри Мюррея¹⁹. В ней описан сеанс «массового гипноза», во время которого одержимый злой силой капитан подавляет волю матросов, превращает их в соучастников своего бредового замысла. Старший помощник Старбек понимает смысл происходящего на шканцах как сделку капитана с нечистой силой: он слышит «тихий смех», «подземный хохот» из трюма, от которого приходит в ужас. То был очередной знак опасности, предвещавший страшные последствия. Важна в этом отношении и следующая глава, «Закат». Торжествующий Ахав, только что подавивший в зародыше сопротивление команды, свидетельствует против себя: «Я не просто безумный, я одержимый, я – само обезумевшее безумие!» [МБ 265]. В оригинале слова Ахава звучат более определенно: “I’m demoniac, I am madness maddened!” [MD 147]²⁰.

Явление главного злодея, Федаллы, описано в главе «Мы ткали мат». Матросы увидели, что Ахав стоит «в окружении пяти темных призраков, казалось, только что возникших из воздуха» [МБ 330]. В следующей главе, «Вельботы спущены», дается описание Федаллы – в манере, напоминающей мрачную палитру «страшных» рассказов Э. По:

На носу ... стояла высокая темнолицая фигура с единственным белым зубом, зловеще торчащим между серо-стальных губ. Облачение этого человека состояло из сильно помятой черной хлопчатобумажной куртки и таких же точно широких черных штанов. Эбеновую погребальную черноту венчал сверкающий белый витой тюрбан, под которым были уложены вокруг головы скрученные в косу волосы [МБ 331].

¹⁹ Murrey, H. “In Nomine Diaboli.”: 67.

²⁰ Demoniac – одержимый бесом, злым духом, дьяволом.

Присутствие на корабле таинственных и странных персонажей не могло не внушить команде суеверный страх и недобрые предчувствия. Помощники капитана Стабб и Фласк испытывают тревогу; Стабб скрывает ее шуткой о присутствии на корабле «серного духа» [МБ 323]. Даже трезвомыслящий Старбек признает, что тут что-то «неладно» [МБ 334]. Впрочем, Стабб отметил чрезвычайную странность в поведении и облике Ахава еще при первой встрече с ним; он подозревает капитана в сношениях с нечистой силой. Помощники капитана подробно и с неподражаемым юмором обсуждают происходящее на корабле в главе «Стабб и Фласк убивают настоящего кита, а затем ведут между собой беседу»:

Знаешь, Фласк, сдаётся мне, что Федалла – переодетый дьявол [...] А хвост мы не видим потому, что он его прячет, он его, наверное, свертывает в бухту и носит в кармане» [МБ 473].

Этот забавный эпизод соседствует с известным рассуждением о головах Локка и Канта. Но последний абзац придает всей сцене особый оттенок: рассказчик отмечает, что Федалла, стоявший на палубе рядом с Ахавом ... не отбрасывал тени [МБ 477].

В главе «Ахав и плотник» содержится явный намек на «ненормальность» капитана. На сей раз ее высказывает плотник, получивший заказ от Ахава на изготовление новой ноги. По его словам, Стабб не раз твердил Старбеку (“dinned it into”), что капитан «какой-то странный» (“queer”). В переводе И. Бернштейн («чудной») исчезает оттенок, который это слово имеет в оригинале, – «сомнительный, подозрительный, ненастоящий». Обратим внимание и на то, что важная фраза “he’s queer” [MD 408] повторяется в тексте девять раз подряд, – и это, конечно, не случайно. Разве не странна сцена заправки гарпуна, в которой за действиями Ахава наблюдает Федалла и словно благословляет его на это дьявольское дело? Именно тогда капитан корабля и произнес богохульную тайносовершенительную формулу «крещения».

В последней четверти романа атмосфера сверхъестественного сгущается. Об этом говорят зловещие знаки. Это и огни Святого Эльма на мачтах («Свечи»), когда все матросы застыли от ужаса в выразительной сцене (tableau vivant), а Измаил вспомнил известное пророчество «мене, мене, такел, упарсин» [МБ 715], и сцена огнепоклонства, по сути своей кощунственная: Ахав признается в том, что некогда во время поклонения огню на лице его остался рубец. Вот разгадка одной

из тайн Ахава: белый шрам на лице – это метка, символ, смысл которого предстоит разгадать. В сцене, исполненной шекспировской мощи, Ахав взывает не к христианскому Богу, а к некоей духовной силе, не имеющей божественных атрибутов: “Oh, though clear spirit, of thy fire thou madest me, and like a true child of fire, I breathe it back to thee”. Молитва-вызов безумного Ахава меняет местами свет и тьму: “Light though thou be, thou leapest out of darkness; but I am darkness leaping out of light, leaping out of thee!” [MD, 436] За тем всеведущим, всемогущим, «безродным пламенем» (“foundling fire”), которому Ахав молится, он видит лишь пустоту (“some unsuffusing thing”):

There is some unsuffusing thing beyond thee, thou clear spirit, to whom all thy eternity is but time, all thy creativeness mechanical [MD 436].

Тема пустоты как основы мира звучит и в главе «Белизна кита»: Мелвилл устами Измаила рассуждает о белизне как бездушном пустом пространстве вселенной²¹. «Во вселенной Измаила, – пишет по этому поводу Ю.В. Ковалев, – нет никакой высшей или разумной нравственной силы: она неуправляема и бесцельна: без бога и без провиденциальных законов. Здесь нет ничего, кроме неопределенности, бессердечной пустоты и безмерности»²².

Герой Мелвилла бросает вызов миру и мирозданию. По праву сильного он требует от команды слепого подчинения и не признает над собой никакой власти. Его вопрошание: “Who’s over me?” [MD 143] следовало бы перевести как «Есть ли кто выше меня?». Оно звучит как выражение крайнего эгоцентризма. В этом Ахав – предвестник ницшеанского «сверхчеловека» – или антихрист, безумный лже-мессия, несущий гибель человечеству.

Феномен безумия героя, его маниакальной одержимости, или «мономании», исследуется в романе настолько подробно, что невозможно видеть в Ахаве только «романтический индивидуализм», пусть даже и очень странный. Его «мономания» – болезнь, симптомы которой выражаются в бреде величия, агрессивности, патологической

²¹ Подробнее о мировоззрении Мелвилла см.: *Осипова Э.Ф.* Философские романы Мелвилла // Осипова Э.Ф. Американский роман от Купера до Лондона. Очерки по истории романа США XIX века. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 94–109.

²² *Ковалев Ю.В.* Герман Мелвилл и американский романтизм. С. 227. Несколько позже эту мысль высказал философ Н.Н. Трубников (*Трубников Н.Н.* Притча о белом ките // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 57–82).

ненависти и раздвоении личности. В современной науке названные черты определяют термином «паранойя». На эту особенность героя обратила внимание Н.А. Шогенцукова. «Фанатику и маньяку»²³ Ахаву она справедливо противопоставляет этический идеал – отца Мэппла с его кодексом служения людям.

Мелвилл показывает, что опасность – не во внешнем Зле, воплощением которого безумный капитан считал Белого Кита. Зло кроется в фанатизме, мстительности, слепой вере в идею. Человек, одержимый идеей мести, капитан с «железной душой» убивает все живое на корабле.

В это предгрозовое время исчезло на борту всякое веселье – искреннее и показное. Стабб уже больше не стремился вызывать улыбки, а Старбек их гасить. Радость и горе, надежды и страхи, – все словно смолото было в тончайшую пыль и замешано в затвердевший раствор, на котором держалась железная душа Ахава. Люди безмолвно, точно автоматы, двигались по палубе, постоянно ощущая на себе деспотичное око старого капитана [МБ 758].

«Не ведающий сомнений» Ахав [МБ 764] однажды проявил человеческие чувства и о своих сомнениях поведал старшему помощнику. В главе “Symphony”, заглавие которой точнее было бы перевести как «Гармония» (или «Созвучие»)²⁴, мы читаем:

Что за неведомая, непостижимая, нездешняя сила ... повелевает мною, навязывает мне безумную готовность совершить то, на что бы я сам в глубине своего собственного сердца никогда бы не осмелился даже решиться? [МБ 768].

Ответ дается здесь же, в последнем абзаце. Заглянув в воду, Ахав содрогнулся, увидев отражение пристального взгляда двух глаз. «Рядом с ним, опираясь на фальшборт, стоял Федалла» [МБ 769]. «Нездешняя

²³ Шогенцукова Н.А. Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995. С. 109.

²⁴ В русском переводе неточно – «Симфония». Смысл главы – в неожиданной и весьма краткой гармонии мыслей капитана и Старбека. «Клянись небесами, друг, в этом мире нас вращают и поворачивают, словно вон тот брашпиль [в переводе ошибочно – «шпиль». – Э.О.], а вымбовкой служит Судьба. И все время – взгляни! – улыбаются приветливые небеса и колышется бездонное море!» [МБ 768].

сила» (“unearthly thing”) в лице Федаллы диктует несчастному капитану дьявольские планы²⁵.

Безумие капитана, как последовательно, из главы в главу, показывает писатель, связано с воздействием сверхъестественных сил. И чем ближе цель плавания, тем яснее становится мистическая связь Ахава и Федаллы. Их двойной портрет особенно четко представлен в главе «Шляпа»:

Казалось, всесильные чары связывали этих двух людей²⁶; [...] По несколько часов простаивали они так в свете звезд ... не отрываясь, смотрели друг на друга, словно Ахав видел в парсе свою отброшенную вперед тень, а парс в Ахаве – свое утраченное естество [МБ 759].

Конец известен. Но задолго до развязки его предсказал странный «пророк» Илия, а также самозванный «архангел» Гавриил, безумец «из секты трясунов», гроза команды «Иеровоама». Он объявил Моби Дика карающим «богом шейкеров»²⁷ и предостерегал своего капитана от погони за ним [МБ 462]. Но при встрече двух кораблей Ахав не внял совету капитана Мэтью – и тотчас услышал загадочные слова Гавриила о грозящей ему гибели.

Против капитана «Пекода», движимого злой волей Федаллы, восстают природные силы – сначала большой морской ястреб, который нападает на него («Шляпа»), а в конце романа – и Белый Кит. Обратим внимание на то, что писатель не раз делает Моби Дика орудием возмездия. Так, матросы с корабля «Таун Хо» восприняли смерть помощника капитана Рэдни в поединке с Моби Диком как божественную кару за его жестокость [МБ 365]. Такова же и роль Белого Кита в страшной судьбе Ахава, погубившего и себя, и всю команду. Моби Дик, как верно заметил американский исследователь Джон Уильямс, может быть воспринят как орудие возмездия за зло, творимое человеком. Кроме того, отмечает критик, он символизирует космические силы природы:

²⁵ На это обстоятельство обратил внимание Маттиссен: “Their two figures seemed to be yoked together, and an unseen tyrant drives them” (Matthiessen, F.O. *American Renaissance: Art and Expression in the Age of Emerson and Whitman*. Whitefish, MT: Literary Licensing, 2013: 449).

²⁶ «двух людей» – оборот неудачный: не случайно, автор употребляет фразу “these two”, избегая уточнения (“people”).

²⁷ “the Shaker God incarnated; the Shakers receiving the Bible” [MD 274]. Последняя фраза в переводе опущена.

Когда он, наконец, появляется и проявляет свою волю, сначала уплы-
вая прочь от атакующих его, но затем, приняв вызов, повернувшись
и уничтожив их, он выполняет функцию мстителя (“*nemesis*”)²⁸.

Последняя гонка «Пекода» за китом, как философски заметил
старший помощник Старбек, – это «сатанинское наваждение» [МБ 790].
Оно привело к гибели корабля (не случайно названного именем ис-
чезнувшего индейского племени), за рулем которого стоял одержимый
демоном капитан.

Как же оценивать образ Ахава? От этого зависит трактовка всего
романа. Можно ли считать его «одновременно героем и злодеем», как
предлагали многие отечественные исследователи? Его гордыня, равно-
душие к людским судьбам, маниакальный фанатизм «бросают тень на
его подвиг и самопожертвование...»²⁹. Но достаточно ли признать это,
или требуется переосмыслить образ главного героя? Непротиворечи-
вая оценка возможна, если учитывать роль фантастического в романе.
Недооценка важности этого мотива порой имела место и в зарубежной
критике. Так, Альфред Кейзин полагал, что присутствие в романе
парса Федаллы и вообще демонического начала – избитый прием, дань
готике и мелодраматизму: “The devil stuff in the book is imitation Gothic,
boring and melodramatic”³⁰. Тем самым критик сужает значение романа,
аттестуя его как книгу, в которой «американский капитализм XIX века
достиг своего апогея» (“the book of nineteenth-century American capital-
ism carried to its utmost”)³¹.

Характерным примером идеологического «сужения» является
и трактовка советскими литературоведами финальной сцены. Критики
проявляют удивительное единодушие, объясняя ее символизм (преду-
преждение «буржуазной Америке») и, в частности, такую деталь, как
флаг, развевающийся на мачте «Пекода». Н.И. Самохвалов называет
флаг «звездным»³², Ю.В. Ковалев – «звездно-полосатым»³³, А.М. Зве-

²⁸ Williams, J. *White Fire. The Influence of Emerson on Melville*. Long Beach, CA: California State University, 1991: 155–156.

²⁹ Прозоров В. Мечта и трагедия. С. 81.

³⁰ Kazin, A. *An American Procession. Major American Writers, 1830–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996: 146.

³¹ Ibid.: 145.

³² Самохвалов Н.И. Герман Мелвилл // История американской литературы / Под ред. Н.И. Самохвалова. Т. 1. М.: Издательство «Просвещение», 1971. С. 150.

³³ Ковалев Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм. С. 211.

рев – «американским»³⁴. Между тем, на мачте был «красный флаг Ахава» [MD 487], который незадолго до погружения сорвал с мачты ястреб. (Отметим попутно, что в переводе И. Бернштейн цвет флага – «багряный» [МБ 799]).

Упрощение смысла связано с недооценкой фантастического, которое имеет в «Моби Дике» решающее значение для понимания сути произведения. В сложной форме романтического иносказания Мелвилл выразил мысль о пагубности, колоссальной разрушительной силе фанатизма. В начале XXI века мы заново открываем для себя глубинный смысл книги Мелвилла, романа-предупреждения, смысл которого был лишь отчасти понят современниками. Катастрофы века двадцатого по-новому раскрывают послание Мелвилла, которое он зашифровал в своем великом романе.

ЛИТЕРАТУРА

Венедиктова Т.Д. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Газеева Е.А., Яковлева Т.И. Два типа романтического сознания в романе Германа Мелвилла «Моби Дик». Влияние идей Эмерсона на развитие ключевых образов романа // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 90–95.

Головачева И.В. Фантастика и фантастическое. СПб.: ИД «Петрополис», 2013.

Зверев А.М. Герман Мелвилл // История литературы США. Т. III. М.: Наследие, 2000. С. 114–171.

Ковалев Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм. Л.: Художественная литература, 1972.

Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит. М.: Государственное издательство географической литературы, 1962.

Осипова Э.Ф. Философские романы Мелвилла // Осипова Э.Ф. Американский роман от Купера до Лондона. Очерки по истории романа США XIX века. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 94–109.

Прозоров В. Мечта и трагедия: по страницам американской классики. Петрозаводск: КГПИ, 1993.

Самохвалов Н.И. Герман Мелвилл // История американской литературы / Под ред. Н.И. Самохвалова. Т. 1. М.: Издательство «Просвещение», 1971. С. 141–154.

³⁴ *Зверев А.М.* Герман Мелвилл. С. 146.

Трубников Н.Н. Притча о белом ките // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 56–82.

Шогенцукова Н.А. Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995.

REFERENCES

Gazeeva, E.A., Iakovleva, T.I. “Dva tipa romanticheskogo soznaniia v romane Germana Melvilla “Mobi Dik”. Vliianie idei Emersona na razvitie kliuchevykh obrazov romana.” [“Two Types of Romantic Mind in the Novel ‘Moby Dick’ by Herman Melville. The Influence of Emerson’s Ideas on the Main Characters’ Development”]. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve [Man and Language in Communicative Space]*. Krasnoiar’sk: Sibirskii federal’nyi universitet Publ., 2014: 90–95. (In Russ.)

Golovacheva, I.V. *Fantastika i fantasticheskoe [Fantastika and the Fantastic]*. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2013. (In Russ.)

Herbert T.W. Jr. *Moby-Dick & Calvinism. A World Dismantled*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1977.

Kazin, A. *An American Procession. Major American Writers, 1830–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

Kovalev, Iu.V. *Herman Melville i amerikanskii romantizm [Herman Melville and American Romanticism]*. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972. (In Russ.)

The Letters of Melville, ed. R.I. Merrell, H.G. William. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 1960.

Matthiessen, F.O. *American Renaissance: Art and Expression in the Age of Emerson and Whitman*. Whitefish, MT: Literary Licensing, 2013.

Melville, H. *Moby Dick, or The White Whale*. London: Dent, 1965.

Melville, H. *Mobi Dik, ili Belyi Kit [Moby-Dick; or, The Whale]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury Publ., 1962. (In Russ.)

Murray, H. “In Nomine Diaboli.” *Melville. A Collection of Critical Essays*, ed. Richard Chase. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1962 (Repr. 1951): 62–74.

Osipova, E.F. “Filosofskie romany Melvilla.” [“Philosophical Novels by H. Melville.”] Osipova, E.F. *Amerikanskii roman ot Kuperu do Londona. Ocherki po istorii romana SShA XIX veka [American Novel from Cooper to London. Essays on the History of the US Nineteenth-century Novel]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2014: 94–109. (In Russ.)

Pommer, H. *Milton and Melville*. New York: Cooper Square Publisher, 1970.

Prozorov, V. *Mechta i tragediia: Po stranitsam amerikanskoi klassiki [Dream and Tragedy: Through the Pages of the American Classics]*. Petrozavodsk: KGPI Publ., 1993. (In Russ.)

Samokhvalov, N.I. “Herman Melville.” *Istoriia amerikanskoi literatury [History of American Literature]*, ed. N.I. Samokhvalov. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971: 141–154. (In Russ.)

Shogentsukova, N.A. *Opyt ontologicheskoi poetiki* [*The Experience of Ontological Poetics*]. Moscow: Nasledie Publ., 1995. (In Russ.)

Trubnikov, N.N. "Pritcha o belom kite." ["The Parable of the White Whale."] *Voprosy filosofii* 1 (1989): 56–82. (In Russ.)

Venediktova, T.D. *Literatura kak opyt, ili "Burzhuaznyi chitatel'" kak kul'turnyi geroi* [*Literature as Experience, or the "Bourgeois Reader" as a Cultural Hero*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. (In Russ.)

Williams, J. *White Fire. The Influence of Emerson on Melville*. Long Beach, CA: California State University, 1991.

Zverev, A.M. "Herman Melville." *Istoriia literatury SShA* [*History of the USA Literature*]. Vol. III. Moscow: Nasledie Publ., 2000: 114–171. (In Russ.)